

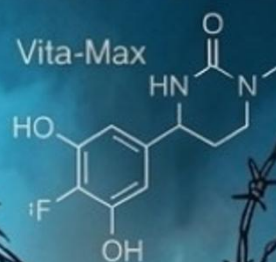
ПАВЕЛ

БИРЮКОВ

ЗВЕРЬ

ПРАВО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

БЫТЬ ЗВЕРЕМ — ЕГО ПРИРОДА.
БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ — ЕГО ВЫБОР.

$$V_g = z(\bar{c} + m_b^2 + c)$$

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Бирюков

Зверь. Право быть человеком

«Автор»

2026

Бирюков П.

Зверь. Право быть человеком / П. Бирюков — «Автор», 2026

Виктор всегда знал, как строить здания, но не подозревал, что его собственная жизнь — лишь элемент в чудовищном чертеже Древнего. Превращенный в идеальное оружие, гибрид, чья кровь способна менять законы природы, он должен был стать венцом новой эволюции — холодным, мощным и покорным. Пройдя через лаборатории Обнинска и ледяной ад бункера «Эреб», Виктор понимает: быть всемогущим монстром — проще всего. Сложнее — удержать внутри себя архитектора из Калуги, верность одной женщине и право на обычную смерть. В мире, где древние боги строят идеальные клетки для человечества, Виктор наносит свой главный удар. Он докажет, что даже с когтями, способными рвать сталь, можно сохранить самое дорогое. Быть Зверем — его природа. Быть Человеком — его выбор.

Содержание

Глава 1: Отторжение	5
Глава 2: Излом и Бах	8
Глава 3: Тень Престола и Обнинский Парадокс	10
Глава 4: Ржавчина на Клыках	12
Глава 5: Охотничий азарт и закон крови	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Павел Бирюков

Зверь. Право быть человеком

Глава 1: Отторжение

Тьма в комнате не была просто отсутствием света. Она казалась густой, почти маслянистой субстанцией, которая заполняла легкие при каждом вдохе, оставляя на языке отчетливый, едкий привкус старой пыли и чего-то сладковато-гнилостного. Виктор открыл глаза, но реальность не спешила обретать форму. Сначала пришла боль — тупая, ритмичная, она разбегалась от основания черепа вниз по позвоночнику, заставляя каждое сухожилие натягиваться, словно перетянутая струна. Это не было похоже на обычное похмелье или болезнь; казалось, сама его сущность подверглась грубой переплавке, и теперь он застывал в новой, пугающей форме.

Он лежал на голом бетонном полу в пустой квартире-студии новостройки на улице Белкинской. Окна, лишённые штор и даже намёка на уют, выходили на погруженный в предрасветный анабиоз Обнинск. Через грязное стекло пробивался мертвенный, болезненно-белый свет высокого уличного фонаря, который рисовал на серых стенах длинные, искаженные тени, похожие на пальцы гигантского костлявого существа.

Виктор попытался пошевелиться, и тишину комнаты нарушил сухой, неестественный хруст его собственных суставов. Он поднял руку перед лицом и замер: кожа была пугающе бледной, почти прозрачной, а под ней отчетливо проступала сеть вен, которые теперь казались не синими, а угольно-черными. Они не пульсировали — они мелко дрожали, словно под кожей копошились тысячи невидимых насекомых.

«Кто я? Как я здесь оказался?»

Память напоминала разбитое зеркало, осколки которого были безвозвратно утеряны. Среди пепла уцелело лишь одно слово. Виктор. Оно не вызывало ни тепла, ни ассоциаций с домом или близкими. Оно просто висело в голове как инвентарный номер на холодном ящике в морге. Ни фамилии, ни лица матери — только этот холодный, колющий звук в сознании, застрявший там, как заноза.

С трудом преодолевая сопротивление собственного тела, он заставил себя встать. Колени дрожали, а в животе ворочался холодный, скользкий ком. Шатаясь, он дошел до кухонного островка. На дешевой столешнице тускло мерцал экран ноутбука. Рядом, вцепившись в розетку, мигал красным глазом промышленный 4G-модем с выносной антенной, приклеенной скотчем к стеклу — чья-то заботливая рука подготовила здесь автономный узел связи. Синее свечение монитора было единственным ярким пятном в этом бетонном склепе. Виктор подошел ближе, опираясь на край стола, и его отражение в мониторе заставило его на секунду задержать дыхание.

Из темноты на него смотрел незнакомец. Лицо с пугающе острыми скулами, провалившиеся глаза, в глубине которых теплилось нечто первобытное, и пугающая белизна губ. В почтовом ящике, открытом в браузере, висело письмо без темы.

> «Солнце больше не твой союзник, Виктор. Твоя жажда — это не болезнь, а новая природа, древняя, как сама земля под этим городом. Прислушайся к тому, что течет под кожей других. Не пытайся вернуться к старому — оно тебя не примет, оно тебя отторгнет, как инородное тело».

>

Ни имен, ни подписей. Мысли путались: почему он просто верит этим буквам? Но тело верило охотнее разума. Виктор коснулся своей шеи — кожа была ледяной, а пульс... он едва

угадывался, был редким и тяжелым, как удары молота в глубокой шахте. Внутри него дышало нечто иное — древний, первобытный голод.

Ночной Обнинск встретил его сыростью и пронзительным ветром. Виктор шел по проспекту Маркса, инстинктивно вжимаясь в тени. Город, казавшийся знакомым в обрывках памяти, теперь пугал обилием «глаз». Камеры на перекрестках, объективы над входами в магазины — он чувствовал их присутствие почти физически, как покалывание на коже. Каждый раз, когда мимо проезжала машина, он отворачивался, пряча бледное лицо в воротник, боясь, что электроника распознает в нем нечто неправильное. Чувства обострились до предела: он слышал гудение трансформатора за квартал, шелест шин такси за три улицы, но самое страшное — он начал слышать жизнь.

Возле подъезда одной из пятиэтажек на улице Энгельса стояла девушка. В этот момент мир вокруг него выцвел, потерял краски, а девушка превратилась в ослепительный, пульсирующий источник тепла. Виктор замер за стволом тополя, чувствуя, как внутри него сворачивается пружина. Горло сдавило судорогой. Но воля, еще человеческая, заставила его сжать кулаки. Он заставил себя отвернуться и почти бегом бросился прочь.

Голод нарастал, превращаясь в экзистенциальную пустоту. Он нырнул в один из дворов, где в подвале старой панельки ютился круглосуточный бар-«разливайка». Здесь не было камер, а единственным свидетелем был сонный бармен, привыкший к бледным и трясущимся посетителям.

— Бургер и минералку, — хрипло выдавил Виктор. Его голос напоминал скрежет гранитных плит.

Когда тарелку поставили перед ним, запах жареного мяса заставил его желудок сжаться. Бургер пах мертвечиной и дорожной пылью. Виктор заставил себя откусить кусок. Тщетно. Еда казалась сухим пеплом. Вода обожгла горло, словно жидкий свинец. Схватив со стола чью-то недопитую водку, он попытался заглушить тошноту спиртом, но тот отозвался в пищеводе чистой кислотой.

Выплеснув содержимое желудка у мусорных баков на заднем дворе, Виктор прислонился лбом к кирпичу. Его трясло. Тело отказывалось принимать мир смертных.

Он долго бродил по темным дворам в районе улицы Курчатова. Ноги сами несли его в низины, где фонари давно перегорели. В одном из таких слепых пятен, между гаражами, он услышал голоса. Трое парней в спортивных костюмах копошились у припаркованного «Ниссана».

— Слышь, мужик, шел бы ты своей дорогой, — процедил один, доставая нож.

Виктор не остановился. Голод сорвал последние предохранители. Внезапно мир замер. Вспышка адреналина — нет, чего-то более древнего — прошла его немощное тело. Усталость исчезла, сменившись ледяной, сокрушительной ясностью.

— Убирайтесь отсюда, — произнес Виктор. Голос вибрировал в самой глубине груди.

Третий парень сорвался с места первым. Но Виктор был быстрее. Его реакция была за пределами человеческих возможностей. Он сделал полшага в сторону, перехватил запястье нападавшего и почувствовал, как податлива плоть. Послышался сухой, сочный хруст ломающейся кости. Виктор швырнул его в сторону с такой силой, что тот пролетел три метра и с грохотом врезался в железную дверь гаража.

Второй нападающий замахнулся ножом, но Виктор уже впился ладонью, ставшей твердой как камень, в его плечо. Он услышал, как в бешеном ритме колотится сердце парня. Тук-тук. Тук-тук. Этот звук стал его единственной реальностью.

С влажным щелчком его десны разошлись, и из-под них выдвинулись клыки — длинные и острые, как хирургические скальпели. Он впился в шею парня.

Это был экстаз. Горячая, густая кровь хлынула в горло, мгновенно смывая вкус пепла. Каждая клетка его тела пела, наполняясь мощью. Он не мог остановиться, пока тело не обмякло в его руках.

Оставшийся грабитель с диким криком бросился бежать, но Виктор даже не посмотрел вслед. Он стоял посреди грязного двора, вытирая окровавленный рот. Мышцы горели от неестественного напряжения, кости ныли после резкого рывка силы, но внутри наконец воцарилась тишина.

Он вернулся на Белкинскую за полчаса до рассвета. Город просыпался, но для Виктора этот день больше не имел значения. Он подошел к ноутбуку. Новое сообщение.

> «Ты поддался Зверю слишком быстро, Виктор. Первое кормление — это всегда падение, но ты позволил ему вести себя. Кровь негодяев дает силу, но она же затуманивает разум. Учись контролю, иначе ты станешь просто бешеным псом, которого придется пристрелить. Город следит за тобой. Завтра начнется твое истинное обучение».

>

Виктор закрыл крышку. В отражении окна на бледных щеках еще алели брызги чужой крови, а глаза светились тусклым, потусторонним светом. В Обнинске, городе науки и мирного атома, родилось нечто, не поддающееся законам физики. Кошмар только начинался.

Глава 2: Излом и Бах

Ночь в Обнинске была пронизана сыростью и тяжелым запахом прелой листвы, который, казалось, поднимался прямо из глубин промерзшей земли. Виктор шел по пустынным улицам, и его чувства, обостренные превращением, работали на пределе. Тело всё еще гудело от переполнявшей его энергии после первой охоты — та кровь, вырванная у дворовых грабителей, оказалась тяжелым, мутным топливом. Она подарила ему силу, от которой дрожали мышцы, но вместе с тем оставила в душе вязкую тревогу. Это было ощущение совершённого греха, который невозможно смыть, и в то же время — пугающего триумфа над собственной слабостью.

Он снова вышел на улицу, когда электронные часы на одном из офисных зданий на улице Треугольной бесшумно сменили цифры на глубокую полночь. Виктор не знал, куда идет. Город, в котором он, возможно, прожил годы, теперь выглядел набором плохо подогнанных декораций. Картонные стены домов, за которыми пульсировала скрытая жизнь. Он слышал шепот за закрытыми окнами, шорох крыс в подвалах и ритмичное, сводящее с ума биение сотен тысяч сердец, сливающееся в единый гул. Каждый удар сердца прохожего в его ушах отзывался низким ударом колокола, искушая и пугая одновременно.

Удар пришел из ниоткуда.

Воздух просто внезапно сгустился, превратившись в монолитную стену боли. Мир взорвался снопом багровых искр, а затылок отозвался сокрушительной судорогой. Его новая, неестественно быстрая реакция на этот раз предательски подвела — тело, измотанное недавним «перерождением» и резким выбросом адреналина, просто не успело отозваться на угрозу. Он не ожидал, что в этом тихом наукограде есть существа, способные двигаться быстрее тени.

Он рухнул на колени, впиваясь пальцами в шершавый асфальт и раздирая ногти в кровь. Его грубо схватили за шиворот и с размаху впечатали лицом в холодную стену старого гаражного бокса. Запах старой извести и машинного масла забил ноздри.

— Гляньте-ка на него... Свежак. Самострой, — голос был хриплым, с противным свистящим придыханием. — Весь в чужой крови, а ловит маслины затылком как последний терпила. На нем даже печати нет. Чистое мясо.

Виктор попытался выпустить клыки, но мощный удар под дых выбил из него остатки воздуха. Его швырнули в грязь и начали избивать. Это не была драка — это была экзекуция. Били методично, целясь в суставы и позвоночник — туда, где боль была наиболее парализующей. Нападавших было трое. В скудном свете луны Виктор разглядел их: патлатые, в грязных кожаных плащах, от которых несло псиной и старой смертью. Их клыки были длинными, пожелтевшими резцами хищников, которые веками не знали гигиены.

— Мы могли бы выпить тебя досуха прямо здесь, — один из них наступил тяжелым берцем Виктору на горло. — Или приковать тебя к этой арматуре и подождать пару часиков. Знаешь, парень, как красиво шкварчит молодая плоть на первом рассветном солнце? Это как бекон. Очень громкий, визжащий бекон.

Виктор хрипел, чувствуя, как сознание угасает.

— Успокойся, выродок, — патлатый склонился ниже. — Ты — аномалия. Мы из «Темного Морока». Пока эти зажавшиеся твари из «Палаты Старейшин» сидят в своих пентхаусах на проспекте Ленина, пьют синтетику из хрусталя и договариваются с властями о «социальных квотах», мы храним традиции крови и пепла. Нам нужны такие, как ты. Ничьи. Те, кого не жалко бросить в топку грядущей войны.

Тишину спящего двора разрезал резкий рев форсированного двигателя. В узкий переулок, едва не сдирая краску о кирпич, влетел черный матовый внедорожник. Из его окон ударили ослепительные вспышки световых зарядов. Глушилки GPS и сотовой связи,

установленные на крыше джипа, мгновенно превратили этот пяточок в «мертвую зону» для городской полиции.

— Смена декораций, некрофилы! — выкрикнул кто-то из машины.

Завязалась яростная потасовка. Те, кто приехал на джипе, действовали дерзко и с какой-то человеческой удалей. Это были другие вампиры — в бомберах, с татуировками, вооруженные битами с колючей проволокой. «Расколотые». Виктора, который едва соображал, буквально зашвырнули на заднее сиденье.

— Сиди тихо, новенький, если не хочешь обратно на костер к этим любителям антиквариата, — бросил водитель.

Через десять минут безумного слалома машина затормозила на улице Жолио-Кюри, возле старого здания, которое, казалось, вросло в землю. Над дверью тускло мигала вывеска — «БАХ». Тяжелые, вибрирующие звуки бас-гитары заставляли асфальт под ногами дрожать.

Его провели через длинный коридор, мимо сцены, где местная банда в облаках искусственного дыма яростно терзала инструменты. Воздух здесь был пропитан запахом дешевого хмеля, пота и какой-то странной электрической энергии. За тяжелой дубовой дверью в глубине здания находился кабинет Вана.

Там было тихо. Винтажные усилители, стеллажи с винилом и огромная карта Обнинска на стене создавали атмосферу логова меломана-отшельника. За столом сидел человек с длинными седыми волосами и в очках в тонкой оправе. Ван. Его спокойствие казалось абсолютным.

— Садись, Виктор, — голос Вана был ровным. — Налейте ему воды... Хотя нет. Судя по твоей гримасе, твой желудок сейчас и каплю из-под крана воспримет как яд. Рано или поздно это пройдет, но сейчас тебе лучше просто не двигаться.

Виктор присел на край облезлого кресла. Боль в теле затихала, сменяясь ледяным оцепенением.

— Ты попал в переplet, парень, — Ван снял очки и внимательно посмотрел на Виктора. Его глаза были прозрачными, без зрачков — два осколка горного хрусталя. — В нашем мире всё подчинено балансу. Есть «Палата Старейшин» — те, кто контролирует клиники, банки крови и администрацию города. Они — закон. И они тебя убьют, просто чтобы не переписывать отчетность. Есть «Темный Морок» — психи, мечтающие вернуть средневековье. И есть мы. Те, кто просто хочет слушать свою музыку и не превращаться в монстров из сказок.

Ван встал и подошел к карте.

— Но вот загвоздка. Все новообращенные создаются официально. А про тебя в хрониках нет ни слова. Ты — «пустой» файл. У тебя нет «отца», нет метки создателя. Ты возник из ниоткуда в центре наукограда. Кто бы тебя ни создал, он нарушил самый фундаментальный закон. Ты — бомба замедленного действия, Виктор. «Морок» хотел сделать тебя своим оружием. «Палата», если пронюхает, испарит тебя мгновенно.

Ван замолчал, прислушиваясь к реву гитар за дверью.

— В этом городе под каждым НИИ зарыта тайна, но сейчас ты — самая опасная из них. Отдыхай. В «Бахе» тебя не тронут, пока мы не поймем, чей ты проект и зачем тебя бросили в этот аквариум с акулами. И запомни: единственный способ не сойти с ума — это найти свой собственный ритм. Твой старый мир умер, Виктор. Добро пожаловать в Обнинск, которого нет на туристических картах.

Глава 3: Тень Престола и Обнинский Парадокс

Москва не спала, но та Москва, что возвышалась над гранитными набережными и пряталась в зеркальных иглах небоскребов Сити, жила по иным законам. В пентхаусе башни «Эреб», куда не допускались даже самые высокопоставленные смертные, царил стерильный, неподвижный холод склепа, обставленного по последнему слову хай-тека.

Здесь, в зале Заседаний Палаты, свет был приглушен до янтарного мерцания. Члены высшего совета — семеро старейшин — восседали в креслах из белой кожи. Перед каждым стоял бокал с «Вита-С» — высшим достижением вампирской биотехнологии. Синтетика не давала экстаза живой вены, но давала ясность ума и абсолютную независимость от случайно занесенных болезней смертных.

В центре зала на обсидиановом троне Наместника восседал Валериан. Его лицо застыло в маске аристократической скуки, но пальцы нервно поглаживали подлокотник. Вампирское общество держалось на Печати. Это был энергетический клейм, связывающий «отца» и «дитя». Без Печати вампир считался дефектным, «рванным» зверем, подлежащим уничтожению.

Тяжелые двери распахнулись. На пороге стоял гонец, чей вид выражал крайнюю степень потрясения.

— Милорд Наместник... Сектор 40, Обнинск. Наши датчики зафиксировали всплеск чистой энергии обращения. Но мы не можем найти подпись.

Валериан медленно встал.

— Поясни.

— В Обнинске появился новообращенный. Сила всплеска соответствует высшему дворянству, но у него... нет Печати. Он абсолютно чист. Никакого следа Создателя. По всем законам, он не должен осознавать себя. Он должен был стать безумным гулем в первую же минуту, но он... он разумен.

— Это невозможно, — прошипела леди Изольда, глава клана Роз. — Кто-то играет с нами. Или кто-то нашел способ обходить протоколы.

— Культисты в городе уже называют его «Первым Снегом Пробуждения», — добавил гонец. — Они верят, что это знак возвращения Прародителя.

Валериан посмотрел на огни ночной Москвы. Если слух о «свободном» вампире без хозяина выйдет за пределы зала, иерархия Палаты рухнет.

— Вызовите мне Каина.

Через десять минут в зал вошел мужчина в потертой кожаной куртке и армейских ботинках. Его глаза казались провалами в ничто.

— В Обнинске аномалия, — произнес Валериан. — Новообращенный без Печати. Мне не нужно его тело, Каин. Мне нужна правда. Узнай, кто его создал. Если он — угроза, сотри его в пыль. Но если он действительно связан с древними легендами... доставь его ко мне.

Каин коротко кивнул. В его голове уже выстраивался маршрут. Киевское шоссе, час пути на предельной скорости.

В это же время в подвальных ярусах недостроенной теплоцентрали на окраине Обнинска воздух можно было резать ножом. Он был пропитан запахом дешевого спирта и едким, металлическим ароматом настоящей крови. Здесь презирали синтетику.

В центре зала на коленях стояли трое вампиров «Морока», упустивших Виктора. Над ними возвышался Магистр Мортес — костлявый мужчина с лихорадочным блеском в глазах.

— Идиоты! — Мортес наотмашь ударил жезлом по лицу одного из стоящих. — Мы ждали этого знамения десятилетиями! Тексты предсказывали пришествие «Чистого». И когда он явился — вы позволили подонкам из «Баха» увести его?!

— Магистр... «Расколотые» использовали глушилки, мы не ожидали... — прохрипел вампир.

— «Не ожидали»? — Мортес схватил его за горло, приподнимая над полом. — В этом Викторе течет не та жижа, что в ваших жилах. Его отсутствие печати — это не ошибка. Печать не держится на нем, потому что он сам — начало всех печатей. Он — ключ, который разбудит Того, Кто Спит в недрах этой земли.

Магистр отшвырнул подчиненного и обернулся к алтарю, где лежал древний пергамент с безликой фигурой.

— Если Палата доберется до него первой, они сожгут его в своих лабораториях. А он должен стать нашим знаменем. — Мортес посмотрел на своего помощника. — Собирай всех верных. Ищите в каждом подвале. Мне плевать, сколько «смертных» придется выпотрошить ради его следа.

Мортес знал: Каин уже в пути. И если культ не найдет Виктора первым, Обнинск станет братской могилой для всех них. Но если Виктор примет свою истинную природу, старый мир захлебнется в собственной крови.

Глава 4: Ржавчина на Клыках

Виктор не помнил, как покинул подвал бара «Бах». Последнее, что запечатлелось в его угасающем человеческом сознании — это липкий пол, запах табака и невыносимый гул в ушах, похожий на крик тысячи птиц. Потом наступила тьма, пахнувшая машинным маслом.

Его эвакуация была жесткой. Когда стало ясно, что «Морок» наступает на пятки, а Москва уже направляет бак мотоцикла своего лучшего ликвидатора, Ван принял решение. Расколотые не стали играть в дипломатию. Чтобы вывести «пустого» из-под удара, они использовали строительный таран, закрепленный на старом пикапе, пробив выход через заброшенный складской сектор бара. Виктора, пребывающего в полузабытии, замотали в тяжелую брезентовую ткань, подавляющую ауру, и бросили в кузов.

Колыбель Анархии: Ржавый Квартал

Его привезли в «Ржавый Квартал» — шрам на теле Обнинска. Это была заброшенная промзона за железной дорогой, где недостроенные цеха гнили под кислыми дождями. Здесь, среди ржавых кранов, и обосновались анархисты.

Их быт был лишен московской роскоши. Окна заварены сталью, вместо люстр — тусклые светодиодные ленты, питающиеся от хрипящих генераторов. Кредо Расколотых было вырезано на каждой стене: «Смерть — это свобода от хозяина». Большинство из них сами выжгли у себя «Печать Создателя», став изгоями. Они не платили кровный налог и презирали синтетический уют Палаты.

Виктор пришел в себя в бывшей диспетчерской. Стены в потеках мазута, под потолком — вечно жужжащая лампа. Его заперли здесь не из доброты. Анархисты были напуганы. Они видели, как Виктор «вспыхнул», и понимали: перед ними аномалия. Чистая сила без ошейника Печати.

На полу стояла вскрытая упаковка «Виты-С». Иронично: анархисты, презиравшие синтетику, давали её Виктору. Они боялись кормить его живой кровью. Если этот парень почувствует настоящий вкус жизни, бетонные стены его не удержат.

Виктор смотрел на пакет. Он пах аптекой и смертью. Его мутило. Внутри него бился пульс, не принадлежащий сердцу. С каждым часом он отчетливее слышал шепоты — голоса самой земли под городом, где в вечном сне ворочалось нечто колоссальное.

Металл кровати под его ладонью прогнулся, как мягкий воск. Виктор чувствовал себя пилотом падающего самолета, который не знает кнопок, но слышит рев моторов в своих жилах.

В комнату вошел охранник — высокий, со шрамами на лице.

— Пей свою дрянь, «святой», — прохрипел он, кивнув на пакет. — И не вздумай дергаться. Парни на взводе. Если попробуешь выйти — мы зальем эту конуру термитом.

— Вы не сможете меня здесь удержать, — тихо произнес Виктор. Его голос прозвучал со странным металлическим звоном. Охранник невольно схватился за нож.

В это время в кабинете начальника цеха Ван нервно постукивал ножом по столу. Напротив сидели его соратники — Шрам и Лика.

— Ты видел его в «Бахе», Ван, — шептал Шрам. — Воздух вокруг него горел. У него нет печати, но он не «рваный». Он чист. Я чувствую это кожей — под Обнинском проворачиваются шестеренки какого-то механизма.

— Мы привыкли верить байкам Палаты, что без Печати жизнь невозможна, — глухо отозвался Ван. — А что если Печать — это просто кандалы? Есть книги. «Хроники Колыбели». В них сказано, что Печать была выбором, а не законом.

— И где эти книги? — спросила Лика.

— Палата сожгла всё. Но ходят слухи, что последний экземпляр вывезли на Север. Туда, где заканчивается власть закона. На территорию «Шерстяных».

В комнате повисла тишина. Лица вздрогнули.

— Оборотни? Это же страшилки для молодняка.

— Палата хочет, чтобы мы так думали, — отрезал Ван. — Но там, в холодных краях, живет нечто, что не боится вампиров. Если Виктор — ключ, то замок находится там, в снегах. Нам нужно понять, что в его крови, пока Каин не перерезал нам глотки.

Виктор, запертый в своей комнате, не слышал их, но его чутье улавливало обрывки эмоций. Он прикоснулся к стене. Бетон казался живым. На мгновение он увидел белую пустыню и огромные желтые глаза, смотрящие на него из метели.

«Они ищут ответы в книгах, — подумал он с холодной улыбкой. — А ответы уже здесь. Внутри меня. И они пахнут замерзшей кровью и лунным светом».

Он сделал глоток синтетики и понял: скоро он отправится на Север. Туда, где его ждет истинная семья.

Глава 5: Охотничий азарт и закон крови

Трасса М-3 «Украина», ведущая из Москвы в сторону Обнинска, в этот час напоминала черную ленту, брошенную среди безмолвного леса. Каин не любил пафос, но ценил эффективность. Его мотоцикл — угольно-черный «Custom», лишенный хрома и каких-либо опознавательных знаков — шел на скорости 180 км/ч, разрезая ночной воздух с едва слышным свистом. Двигатель, модифицированный умельцами Палаты, работал на смеси высокооктанового бензина и алхимических присадок, что делало его практически невидимым для радаров и тепловизоров.

Каин чувствовал дорогу не глазами, а всем телом, каждой клеткой своего измененного естества. Но тишина этой ночи была обманчивой, натянутой, как струна перед обрывом.

Когда до Обнинска оставалось не более тридцати километров, инстинкты Каина взвыли. Он не нажал на тормоз — он просто слился с машиной в единый механизм, чувствуя, как три внедорожника с выключенными фарами синхронно вылетают из лесной просеки, пытаясь взять его в «коробочку».

Это были культисты. «Морок» действовали грубо, фанатично и предсказуемо. Из люка головной машины, обклеенной оккультными символами, высунулся человек с автоматическим арбалетом. Освященные болты с серебряными наконечниками прошли воздух в сантиметрах от шлема Каина, оставив в воздухе едва уловимый запах озона.

— Дети... — прошептал Каин под шлемом. В его голосе не было ни гнева, ни азарта, лишь бесконечная усталость профессионала, вынужденного отвлекаться на дилетантов.

Он резко выжал сцепление, закладывая байк в крутой, почти горизонтальный занос. Прямо на ходу Каин оттолкнулся от подножки, взмывая в воздух. Его тело в полете начало меняться. Это не была магия иллюзий — это была чистая, мучительная биологическая мимикрия, редчайший дар, за который Палата ценила его больше всех сокровищ. Его кости с сухим треском перестраивались, кожа бледнела и мгновенно покрывалась сеткой татуировок, идентичных тем, что носили члены культа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.